

1.10 Размышления о каноне

Что есть канон, каноничность в образотворчестве... Каково значение этого греческого слова, столь часто употребляемого нами без-рассудно о отношении к образу... Слова, используемого нами без внятного уразумения - для оправдания каких-либо простых и, зачастую, очень приземлённых суждений об иконе. «Канонично» – и этим желает оправдаться посредственность, бесталанность, безразличие к собственно образу в художественном ремесле. Каноничностью оправдывается подражательное любостяжание, отнюдь не Христа ради. Всяческое метание во мраке неведения образа – готово говорить о каноничности своих исканий, в «духе» ли Москвы 16 века, палеологовской Византии, Строгановской школы... Возможно и упростить понятие до некоего примитива от Стоглавого собора: главное – не изобразить Бога Отца в Троице «Новозаветной», а там – всё канонично, что похоже на лучшие и обще – воспринятые православной молитвенной историей и практикой, современной эстетикой, - образцы, - что наиболее и чутко - отвечает вкусам взыскательной публики, а паче – заказывающих и ктиторствующих персон... Уже ли канон всё стерпит, оправдывая всё. И что же за «зверь», такой терпеливый и уживчивый – канон этот? Попытаемся разобраться для самих себя, грешных.

Заглянем в греческий словарь. Отыщем слова близкие, родственные и дополняющие искомую этимологию своими значениями. Предадимся этим исканиям вполне дилетантски, но искренне желая найти живой отклик себе на сухих страницах, испещрённых мёртвыми словами. Итак, понятие «канон» сродни значению слов: тростник, прямой прут, палка, рукоять щита с внутренней стороны... правИло, снурок, отвес, лот...прАвило, норма, образец... «хронико канонес» - устав эпохи, (не отзывчиво ли гётевскому цайтгайт – духу времени). «Канэс» - плетёнка из тростника, корзина, цыновка... «Канонидзо» – брать за правило, судить о чём – либо по некоему руководящему началу... Но, вместе с тем,

«койнос» - ощий, общедоступный, родной... принимать участие, сообщать друг-другу, делать со-участником кого-либо, соединяться об-обществлять... «койнонео» - участвовать вместе, иметь общее, равное участие, сообщение, связь друг с другом... соглашаться, помогать... «койноникос» - способный к сообществу или участию, щедрый... «койнонос» - сообщник, соучастник, сотоварищ, союзник... «койне» - общий язык Византии, понятный, доступный всем, упрощённый относительно высот аттического диалекта, но бытийствующий во времена империи, - не узнаем ли в этом слове родственности значения слова... «койнония» – сообщество, сосоучастие, соотношение, помощь, даже и - общий сбор денег... Пожалуй, довольно оттенков и смысловых граней. Попытаемся из них высветлить для себя и уяснить понятие каноничности.

... стебли тростника, соединённые в про-изведении рук человеческих и каноничность, канон, - казалось бы, что тут родственного. Попробуем уловить смыслы близких значений слова – в понятии об-общения, близости, соединённости, общем употреблении, общем делании. Вос-чувствуем это доминирующее значение слова койнэ (кини) – общий, общеупотребимый, общепонятный, обще принятый язык бытового общения, язык церкви, язык обще-жития Византии, язык, объединяющий различные слои общества, национальные особенности Империи в единое целое. Койнэ объединяет разрозненное – в народ империи, в народ Божий в над-национальное имперское целое, пусть и в ущерб некоторым само-бытным оттенкам, во измельчание традиционных глубин особенных диалектов... Многоязычие – единомысленно, единосердечно, единоустно пред Господом... Воспримем, исходя из этих вот смысловых оттенков канон, как некую глубину и высоту об-общения. Не согласимся принять канон, как разящее, отсекающее, разъединяющее начало, как императив, довлеющий над свободным творчеством, как закон, о-пределивающий мастера и искусство, - полагающий грань, рамки творению, способу творчества. Превыше этого – видим смысл канона именно в объединении, собирании, примирении, восприятии - в единстве о Господе. Канон – как пространство единения много-образия в Боге. Канон – собственно Первообраз перед много-образием творения. В этом значении смысл слова канон – не есть разделение, не есть некая форма насильственного уединения творчества в личное со-ответствие некоему правилу, внешнему по отношению к свободному творческому акту. Канон не может быть средством ограничения свободы человеческой воли, - и Сам Господь не лишит человека этой дарованной «тайной» свободы. Канон проявляет себя, как обобщение и взаимное приятие творческих свобод во Христе... Вместе с тем, «канон» - и некий закон, о-граничивающий, о-пределивающий свободу вне Христа, свободу к само-погублению, само-уничтожению... свободу действия в погибель (оргия – жертвенное приношение, искореняющее жизнь... и таинство, священнодействие, ведущее к Жизни Вечной - литургия, и таинство мироустроения демиургия). Смыслы эти против-положны, как Новозаветное понимание закона и любви, духа и буквы. Буква закона умерщвляет. Любовь – объединяет и творит. Не позволим себе уразуметь канон, как закон определяющий, полагающий предел творению, образотворчеству, - но почувствуем канон и каноничность, как начало, собирающее свободные человеческие творения в объятиях Любви Христовой. Тогда значение слова обретает объёмное, живое дыхание в объятиях Первообраза, собирающего много-образия вокруг Себя. Перво-образ – это Сам Господь, - при-влекает к Себе Своєю Любовью, во-влекает в Себя, об-лекает Собою, образует собираемое, не оставляет вне Своего участия, вне Своего деятельного собирания пред-стоящих людей. Первообраз –

образует человека. Всяческое раз-деление, утрата образа – видимые признаки погибели, о которой читаем в Новом завете, читаем в покаянном каноне в стихе о «брате лежащем во гробе, безславном и безобразном...». В каноне преподобного Андрея Критского обретаем пронзительный молитвенный вопль о во-ображении, осквернении образа без-образием страстей, губящих красоту ума в любосластных стремлениях...

Буква – убивает. Любовь – животворит. Но не вспомним ли здесь совсем уж отдалённое на первый взгляд, - о водах мёртвой и живо-творящей, - но проложим дальнюю параллель – о соединении разрозненного перед вос-становлением жизни. Живо-творимое в Любви не может быть вне дел, не может не про-явить своего оживотворения. Если бы мерило не становилось началом, собирающим мир, уравнивающим соборный мир – оно стало бы грозным, умертвляющим оружием - разящим копием. В руках Архангела – мерило и сфера – образ мира, собранного по мере, по со-размерности, управленности о Господе. Управлен собранный, соборный мир, - управлен Любовью Господней и во-ображён в Церкви, - вос-соединён во единосердечном, единоустном пред-стоянии пред Богом. Един и много-образен мир, содержимый Богом и едина святая и соборная Церковь – содержащая Бога в себе. Собранный – соборный и уравни-вешенный мир – мир Божий, содержимый Богом и содержащий Бога – есть мир каноничный, со-размерный, со-размеренный. Со-размериваемый мир не полагает пределы образу, но пред-полагает в образе возможность Божьего присутствия, - он есть некое устроенное человеком пространство, приуроченное к вос-приятию живого Бога, поелику Господь со-изволил быть вос-принятым. Образ Бога в мире - есть область ожидания про-явления Господа, пространство молитвенной со-средо-точенной устремлённости к Творцу. Насколько это об-общающее свойство сохранено образом – настолько он каноничен. В каком-то смысле всяческие мертвящие законы – мерил, против-положны, против-показаны существу образотворчества, противны свободе. Вместе с тем, свобода действия человека пред лицом Господним не может быть без-предельна, без-гранична, но мягко и неотвратно – управлена эта свобода от само – разрушения - Любовью Господней настолько, что не смеет противиться этой Любви человек творящий, не желает отпасть от неё и про-извольно со-ответствует Ей. Всяческое противление этой Любви - Бого-противно... и вне-канонично. Как про-являет себя это противление, творческое противостояние Бога и человека... и судия ли человек, ставший свидетелем противления, против-стоянии человека творца и Бога Любви... Возможно ли человеку облачиться в тогу некоего третейского судии перед ужасом отвращения от Бога к себе самому, перед безнадежием Бога - противления, перед высотой отвращения Бога от без-образия... Не довольно ли человеку лишь отвернуть себя от противного Творцу? – удаляясь от пространства, вне каноничного, пребывающего вне Любви Господней. Уповаем лишь на милость Господнюю, позволяющую со-вестником нашей души восчувствовать оскудевшее, источившееся, иссякнувшее дыхание Господнее, как личное и непреложное знание о неканоничности образа.

Свобода со-действия Богу, со-трудничества с Богом человека, творящего образ – и есть свойство творения каноничного образа. Свобода не под-чиняться внешнему человеческому закону, быть может закону вкуса, обще-принятого стиля... но свобода пребывания в Божественной Любви, свобода бытийствования в объятиях Господа, свобода со-действовать Богу, сотворившему образ в нас самих и не оставившему Своё творение – человека. Вот так понимаем канон: за-щиту нашей веры, обобщающую нас перед Господом.

Ещё раз вспомним это значение слова «канон» - прямая перекладина, рукоять на тыльной стороне щита, - одно из значений, быть может не слишком уместное для нашего размышления, - но воспримем и его: руководствуясь этим мерилom - канонem – со-обща противоборствуем, воинствуем о Господе, облаченные в броню веры – орудуем щитом своим, оружием слова, обороняемся образом, содержа его любовью во Христе.

Канон... Об уединённом ли стебле тростника говорит нам этот словесный корень. Возникают значения смыслов сплетения стеблей, корзин, циновок... образ тростниковых зарослей, много-численной поросли тростникового поля... не растёт тростинка уединённо, чахнет сама по себе, гибнет не взойдя. Общность уединений – мерил, пред-стоящих пред небом – образ каноничности. Образы Божьи в общем про-израстании ко Господу, в общей прямоте, - соделайте прямыми пути Господа к себе, в общей неизогнутости – не лукавстве... Вертикально устремлённые тростинки... Плотно переплетённые нити – жилы в сплетении корзин... высота пред-стояния и уединение вос-приятя Господа... общность этих уединений – в волнующемся, словно поверхность вод, колышущемся строе тростниковых полей... вот как образно отзывается этимология слова «канон». Не есть некое данное извне, либо наработанное в нас самих правило, правИло нашей творческой энергии, творящей образ... Но про-явление Любви Господней, объединяющей, собирающей нас, разрозненных, созидающей нашу творческую свободу... Объемлет и вмещает в Себя эту свободу – Любовь Господня, помимо нашего суждения о Ней, пре-вышая всяческие наши пере-суды. Вот так чувствуем канон: канонично то, что объемлемо Любовью, что не противится Господу, не от-вращается от Него в пучины само-устремлённости, само-выражения, само-угождения, само-почитания, человеко-божия... И творчество канонично тогда, когда откровенно со-ответствует Любви Господней, когда оно свободно и не скованно никакой пред-установленной, пред-положенной нам внешней формой.

И, вместе с тем, отчуждено от канона всяческое само-любование, само-углубления в без-образии, само-определённость, само-замкнутость творчества, как удалено от канона всё без-предельное, не уравно-вешенное, не соразмерное, не гармоничное... не со-образное Перво-образу. Как из-образить, про-явить себя Богоданной свободой творчества и не поработить себя внешними рамками о-граничений... в этом и есть высота свободного творения о Господе. Ни один великий каноничный образ не похож на другой, - самостоятельны, само-бытны, лично – пред-стоят сотворённые образы Богу и предъ-являются нам в своём изысканном про-явлении творчества, не о-граниченного внешними рамками. Всяческое искривление прямоты пред-стояния образа, всякое лукавствие выразительного пути – не позволит применить к нему самого понятия каноничность. Столь недосыгаемо высока, столь близка нам, столь ответственна перед Богом и нами – каноничность...

Не осудим поспешно... Не воспримем чуждого... Не наложим на свои суждения самодельных вериг... Что есть канон? Какова – каноничность и про-явления её? Канонична ли принебесная коптская икона, высокий древне - грузинский примитив? Попыты формирования иконной выразительности в «Хлудовской» миниатюре – каноничны ли? Космизм византийских мозаик? Экспрессивный Духоносный всплеск – взрыв «Преображения Кантакузина». Небеса Дионисия, объемлющие тишайшую Русь – каноничны ли? Рафинированная без-примесная чистота Боговедения преподобного Андрея – повторима ли хоть отчасти... Несравненный, огнезрачный, светоносный Феофан... Навлечём ли кожаные ризы нашего неразумия на чистоту образотворения, про-явленную

нам, - посмеем ли исткать из своих суждений некие пределы и правила со-ответствия образов - Любви Господней, правила, близкие нам, про-изведённые нами и внешние к этим образам... Сможем ли применить эти правиИла к оправданию и научению наших рук, нашего невосприимчивого и дебелого сознания, наших изверившихся, измельчившихся душ... Следует л искать этих правил, упокаивая себя, оскопляя собственную плодоносную творческую свободу...

Свобода образотворчества – в единстве Любви Господней, - так воспримем каноничность. Лишь только внутри, в глуби этой объемлющей Любви – и может быть принят образ, и понят... и со-образен образ каждому человеку, творящему своё личное Богоподобие. Тако - воспримем смысл канона и каноничности, милостью Господней - воспримем и сам образ.

Высокий камыш под небом большим приволен и прям,
Под ветром – упруг взволнованный строй – безчисленны стебли, -
Просторно поют, касаясь листвою друг друга за тем ли,
Чтоб жертвой – припасть в заутренний час к своим алтарям.,
Встечая Вос-ток - вос-торгом своим во славу корням... -
Стройны их тела, без-примесен дух, и души – окрепли.
Глядящий на них, в сердечной глуби молитву затепли,
Позволь в тишине впуская рассвет – раскрыть Ся Дверям.

Вос-стал из пучин объемлющий Свет, уже не мерцая.
Взошла Красота за грани небес, над каждой волной,
Над морем живым – истаяла ночь, раскрылась иконой
Господнего дня, - склоняюсь пред ней себя вос-клищая.
Торжественный Вход в святая – святых плывёт надо мной.
Отводит глаза больной херувим от сени исконной.